

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 7-го Августа 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12202

НЕВЪДОМОЕ.

„Расписаніе дачныхъ поѣздовъ, расписаніе дачныхъ!...“ — звонко выкрикивали мальчишки на всѣхъ перекресткахъ.

Утро яркое, радостное. Солнце золотитъ, молодить и угрюмые лица, и тяжелыя постройки, заглядываетъ въ окна, зоветъ на воздухъ. Геня бродила по улицамъ уже проснувшагося города. Сюда вали трамваи, автомобили, гикали лихачи, а въ ушахъ все же звенѣло: „Расписаніе дачныхъ поѣздовъ...“

Какъ въ прошломъ году. Точно такъ. Тогда Геня съ Леономъ купили это расписаніе и въ тѣни городского сада рѣшили, куда бы имъ поѣхать. Это былъ особенный день. Такие дни помнятъ. День, про который, если рассказывать, выйдетъ все такъ нелѣпо и, пожалуй, скучно, но безъ словъ это былъ день — сказка. Поѣзда въ поѣздѣ создавала прелестную близость. А потомъ цѣлый день, до вечерняго поѣзда, въ лѣсу, въ избѣ какой-то бабушки. Вблизи рѣка, склоненная надъ ней задумчивыя ивы... Это было въ началѣ ихъ встрѣчъ. Леонъ былъ удивительнымъ человѣкомъ, гармоніей красоты, но Геня чувствовала, что этого не хватить надолго и порвала все очень быстро.

„Оставь меня, я не хочу печали,

Съ улыбкой на устахъ я умреть хочу.
Любить меня — сумѣешь ты едва ли —

Такъ лучше для тебя сейчасъ же я умру.“,

написала она Леону, не то шутя, не то дразня, но больше видѣть его не захотѣла. И вотъ, теперь... Такъ мучительно захотѣлось воскресить то, что было въ такой же радостный свѣтлый день. Вѣдь ничего не измѣнилось, она вѣдь оставила его любящимъ ее, умоляющимъ вернуть ему его счастье. Въ самомъ дѣлѣ — вѣдь, все можно вернуть, сейчасъ же, сю минуту. Геня сознавала, что дѣлать этого не слѣдуетъ, что за весь годъ почти ни разу не вспомнила о немъ, наслаждаясь вихремъ свѣтско-богемной жизни... Но черезъ четверть часа она звонила по телефону.

— Послушайте... мнѣ хочется, мнѣ хочется туда, гдѣ мы съ вами были въ прошломъ году... — сказала она на вопросъ:

— Кто говорить?

Отвѣтомъ ей было молчанье. Генѣ казалось, что она слышитъ биеніе его сердца. Онъ узналъ ее, конечно, узналъ. Такъ говорить по телефону, не называя своего имени, говорить въ такой формѣ, точно они продолжали давно дѣлящуюся бесѣду, — могла только она, Геня.

— Это вы, Агнесса Павловна... Это вы...

— Мы поѣдемъ, да?!

— Вы хотите шутить, вы хотите смѣяться, послѣ того, какъ...

Но Геня перебила его. Глупенѣкій, кто проситъ его разбираться? Этого совсѣмъ не надо, точно за этотъ годъ что-нибудь должно измѣниться...

— Будьте черезъ часъ на N-скомъ вокзалѣ. Встрѣтимся у кассы.

За часъ надо было успѣть переодѣться, купить цвѣты, безъ которыхъ Геня никогда не бывала. Но все же она успѣла и вся въ бѣломъ, какъ фея, съ лиліями въ рукахъ, къ назначенному времени подѣхала къ вокзалу.

У кассы встрѣтились. Онъ осунулся, глаза горѣли какимъ-то страннымъ блескомъ, но жалости въ нихъ было больше всего, и Геня не могла только понять: къ кому, за что?

Мелькнула мысль: „Зачѣмъ она это сдѣлала?“, но быстро исчезла.

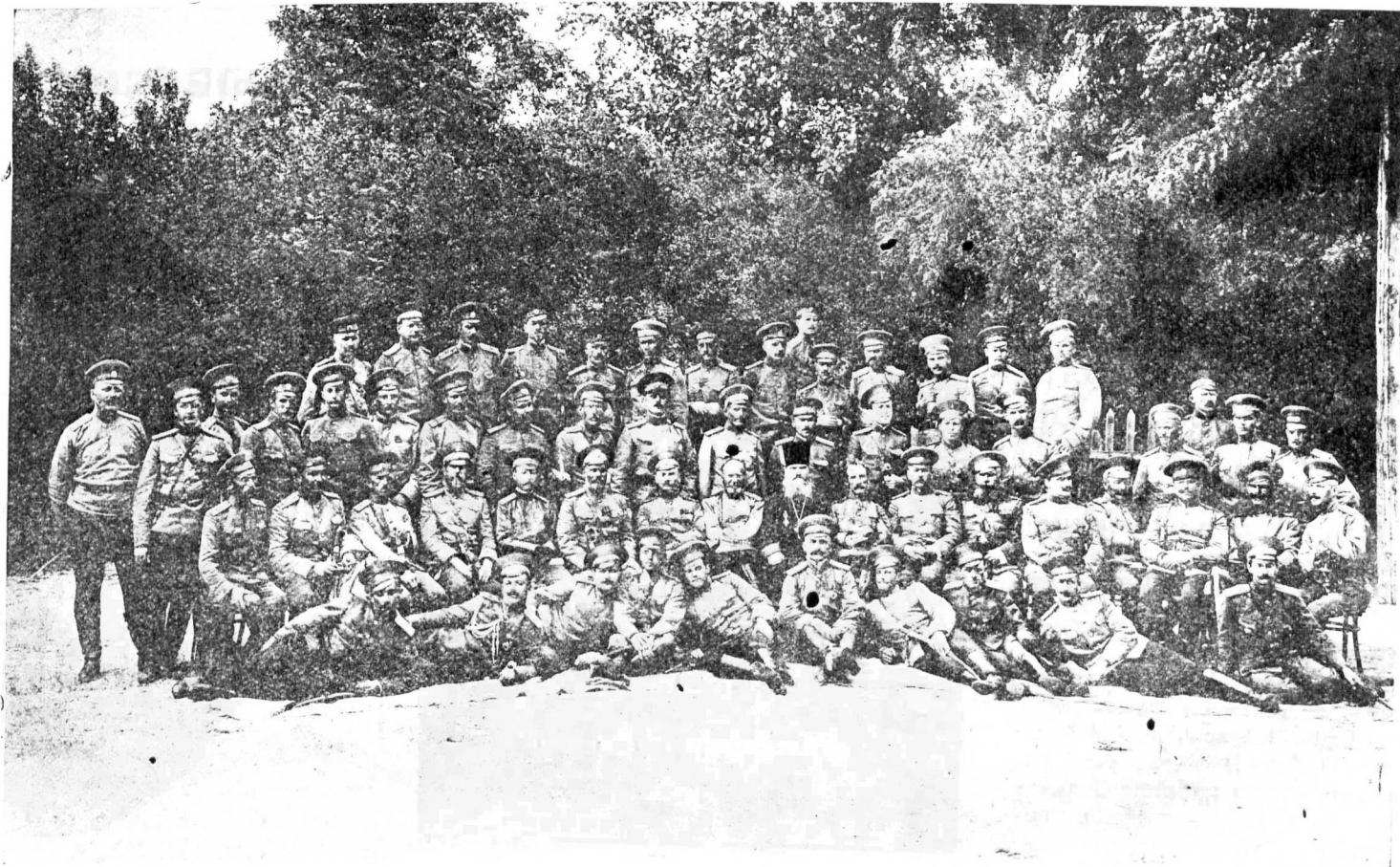
Они уже сидѣли въ купѣ. Убѣгалъ городъ, люди, жгучій воздухъ, показались поля широкія, задумчивыя. Открыли окно.

— Агнесса, зачѣмъ вы меня позвали?!

— Просто захотѣлось... И въ этотъ моментъ ей и въ правду показалось, что это „просто“. Ей было все равно, кто бы ни сидѣлъ сейчасъ рядомъ съ ней. Порывъ воскресить „все“ — ушелъ.

— Зачѣмъ она шутить? — думалъ Леонъ. Онъ хотѣлъ хотя бы у нея въ душѣ найти

ВОЙНА.

Группа офицеровъ Изюмскаго пѣхотнаго полка во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Медеромъ.

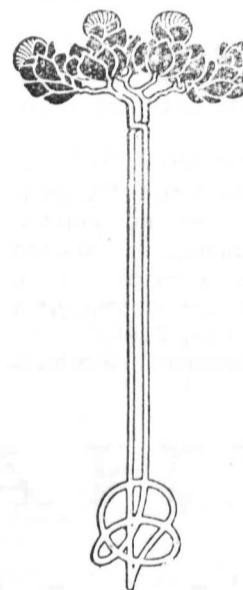
Фот. А. М. Иванникова.

Сэр Эдвард Грей,
английский министр иностранных
дел, один из главных деятелей
ближайшего между Англией и двой-
ственным союзом, горячий сто-
ронник вмешательства Англии в
европейскую войну.

Русский посол
въ Вѣнѣ,
ген. Шебеко,
подвергшійся на-
силію со стороны нѣмцевъ.

ти проблескъ того, что уже похоронено въ немъ. Но не находилъ. И потому не понималъ ея поступка, казался самъ себѣ жалкимъ и смѣшнымъ.

Геня была молчалива, сосредоточенно смотрѣла въ окно, оглядывалась на каждую хатку, словно хотѣла унести ее съ собой.

Вотъ и станція, та самая маленькая, глухая станція. И сейчасъ же лѣсъ, прохладный, сумрачный. Они уже въ чащѣ, сидятъ надъ рѣкой, молчаливые, не находящіе словъ.

— Какъ вы жили, Геня?

— Многое, но не глубоко переживала, сказала, точно смѣясь надъ собой.

И потомъ послѣ долгаго молчанія:

— А вы?

Леонъ поглядѣлъ печально.

— Я не хочу лгать. Сначала было тяжело, потомъ я усиленно развлекался. Теперь же, Геня, все кончено. Я больше не люблю васъ. И вѣрно ужъ никогда никого не смогу любить. Сильное чувство, какъ и большое страданіе—на долго опустошаютъ душу.

И тутъ страстно захотѣлось Генѣ давно ушедшаго, хорошей ласки, милыхъ

1-й ОТРЯДЪ ХАРЬКОВСКОЙЩИНЫ КРАСНОГО КРЕСТА.

Снимки для „Южнаго Края“ фот. „Несалъ“.

Но словъ этихъ не было у Леона. Солнце поднялось высоко, золотыя рѣчи его дрожали въ водѣ рѣки. Тихо, тихо было. И въ тишинѣ этой еще рѣзче выступала напряженность двухъ душъ.

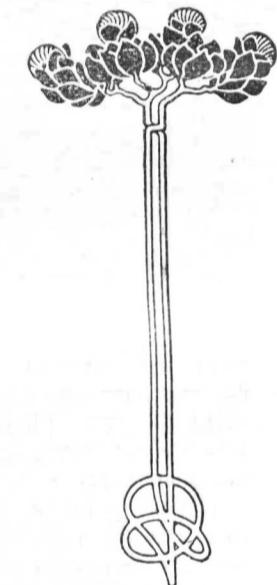
Пошли бродить по лѣсу, проходили по знакомымъ тропинкамъ. Или казались онѣ только знакомыми, какъ будто только вчера разстались они съ ними. Но каждый думалъ про себя, не вспоминалъ, не спрашивалъ больше.

И только послѣ долгаго—долгаго молчанія, сказалъ Леонъ точно про себя:

Геня, вы почти совсѣмъ не измѣнились, вы даже стали какъ будто лучше; но

1. Общая группа. 2. Отряда. 3. Сестры.

Военные корреспонденты „Южнаго Края“.

А. А. Станкевичъ (Россія).

Н. Яворскій (Франція).

А. Львовичъ (Россія).

В. В. Шарковъ—В. Власовъ (Россія).

отчего умерло такъ въ моей душѣ все, отчего вы мнѣ чужая? Скажите мнѣ, кто это сдѣлалъ...»

— Не знаю, не знаю... говорила Геня.

И вѣтки молодыхъ деревьевъ качали своими головками, повторяя: „Не знаю, не знаю..“ А старая угрюмо хранили тайну.

Изъ лѣса рано скрылось солнце. Бросило прощальный взглядъ, перебѣжало быстро цѣляя каждый лепестокъ, словно шалия, и ушло.

Возвращались на станцію. Примиреные, убитые однимъ чувствомъ. Геня прощалась уже изъ окна купѣ съ лѣсомъ. Навсегда. Прощалась съ радостью сегодняшняго утра. И прислушивалась долго—долго къ пѣснѣ колесъ поѣзда: „ушла радость, Ушла радость...“

Мигаютъ заброшенныя въ полѣ лачужки, а то вдругъ вырастетъ, какъ будто въ изумлѣніи остановившаяся женщина съ высоко поднятой юбкой, а около бо-

Князь Г. Н. Трубецкой,
назначенный русскимъ посланикомъ при
сербскомъ дворѣ.

Членъ Гос. Думы.
А. И. Парчевскій,
по слухамъ, арестованъ
и разстрѣленъ
нѣмцами.

соногій ребенокъ. Смотрѣтъ Генѣ вслѣдъ они, точно дивятся.

И снова городъ, грохотъ, шумъ, но уже не ликующее, какъ утромъ. Только сегодня утромъ...

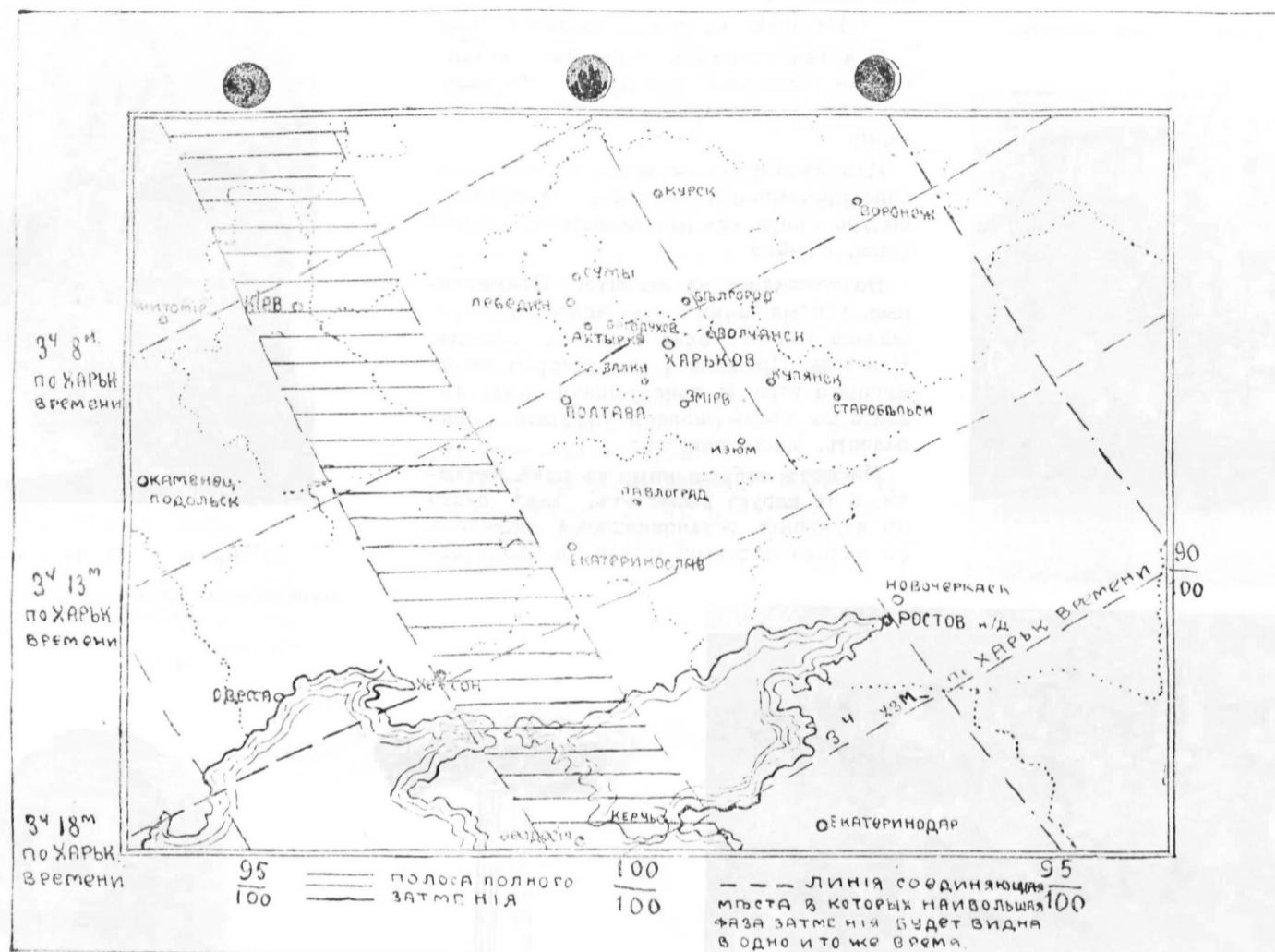
Издѣли показался бѣлый домъ, гдѣ живѣтъ Геня. Но она прощается раньше. Жметъ руку. Ни слова больше, и устала походкой идетъ къ себѣ.

Умираютъ лучи догорающаго солнца, заливаютъ золотомъ сѣрую толпу, умираетъ свѣтъ дня, а съ нимъ утренняя мечта.

И, когда наступаетъ душная ночь, пронизанная сладостной ложью,—вся въ тоскѣ по свѣтлому утру, силиится Геня понять невѣдомое.

! З. Грунинъ-Грайденбергъ. ■■■

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ 8 АВГУСТА 1914 Г.

ОДИНОЧЕСТВО.

Поймете ли вы меня?

Я уверенъ, что одиночество вамъ представляется такъ:

Угрюмый человѣкъ, съ недовольнымъ, скучнымъ лицомъ, сидѣть у себя въ комнатѣ.

Тишина.

Молчаніе. Только часы нарушаютъ это тягостное одиночество.

Конечно, очень старые часы, которые стоятъ на каминѣ и тихонько, размѣренно постукиваютъ.

Кажется, что это мимо крадется время и шумитъ своими костылями.

Все это очень невесело, но все-таки это не то, о чёмъ я говорю.

Самое страшное одиночество – въ толпѣ.

Вы идете по улицѣ, которая вся шумитъ, вся движенье и оживленность. Потокъ лицъ, потокъ разговоровъ и смѣха.

Въ этихъ человѣческихъ, костяныхъ коробкахъ, покрытыхъ шляпами, котелками, каскетками и цилиндрами, вѣтается, пестритъ и пѣнится безконечная мысль.

Можетъ быть, сейчасъ мимо васъ пронеслись гениальныя идеи, спрятанныя, какъ золото, въ своихъ костяныхъ кошелькахъ.

Море жизни, море мысли. А если бы громче забились всѣ эти сердца прохожихъ, то вы почувствовали бы себя точно въ громадномъ часовомъ магазинѣ, гдѣ качаются и стучать тысячи маятниковъ. Но здѣсь у каждого своя причина, свои чувства.

Если бы имъ всѣмъ позволили хоть на минуту свободно и полно высказать

свои чувства, то это была бы самая фантастическая картина. Земля задрожала бы отъ бѣшенаго хохота, невѣроятныхъ проклятий, злобного хрена, плещущаго восторга и судорожныхъ рыданій.

Какая мощная стихія жизни. Вы въ ней. Вы въ этой толпѣ. И все-таки одиноки, безконечно одиноки.

Можете закричать, можете зарыдать, броситься на колѣни, лицомъ въ зашарканную грязь тротуара, можете умирать отъ голода, выть отъ отчаянія, горя, и все-таки эта живая рѣка потечетъ мимо.

У каждого такъ много заботъ о своей радости или о своемъ горѣ, что имъ некогда подумать о васъ, услышать или понять.

Вотъ одиночество, о которомъ я говорю.

Но вотъ, около вѣсъ другой человѣкъ. Любимый. любящій. Здѣсь уже все внимание, весь слухъ направлены въ вашу сторону.

Вы говорите, вы стараетесь передать то, чѣмъ вы живете, то, что вѣсъ томить, или радуетъ. Вы подбираете самыя подходящія слова. Но... они подобны стертымъ монетамъ. Вѣдь, слова подобны проституткамъ, которыя служатъ всѣмъ. Поэтому они могутъ передавать только то, что обычно, обще, ординарно. Но если это ваше собственное, личное, нагорѣвшее именно въ вашемъ сердцѣ, то ничего, кромѣ безсилія, кромѣ булькающихъ звуковъ.

Мы безконечно одиноки, потому что еще не найдены дороги, по которымъ одинъ человѣкъ могъ бы свободно подойти къ другому.

Я очень хотѣлъ бы ввести васъ въ святилище, гдѣ мысли вспыхиваютъ, какъ

свѣчи предъ лицомъ невѣдомаго и безконечнаго Бога.

Говорятъ, что съ каждымъ новымъ годомъ люди старѣютъ. Это неправда.

Иногда всю жизнь, какъ молнія, озаряетъ какая-нибудь гигантская или безумная мысль, словно взрывъ или пожаръ. Земля свинчилась съ мѣста, небо стало инымъ. Невиданные горизонты, небывалое солнце. Такъ бываетъ.

Это мысли, отъ которыхъ самые сѣды волосы могутъ превратиться въ сверкающее молодое золото, самые утомленныя груди могутъ содрогнуться отъ яростнаго потока жизни. Годы бессильны, когда вы имѣете запасъ такого динамита.

Я хотѣлъ бы разсказать вамъ объ этихъ пожарахъ, объ этомъ громѣ и землетрясеніяхъ, объ этихъ факелахъ и раскаленныхъ камняхъ, которые съ бѣшенымъ грохотомъ проносятся по человѣческому небу, и тогда сердце бѣть набатъ, какъ старый гигантскій колоколь, и самое морщинистое лицо по-юношески свѣтлѣеть въ пламени этихъ пожаровъ.

Но словъ нѣть. Они затерты, они захвачаны. Они ковыляютъ на костыляхъ, въ то время, какъ мысль въ одну секунду переносится съ одного міра на другой...

И со всѣмъ нашимъ гнѣвомъ, радостью, проклятиями, любовью, скорбью и постиженіями мы подобны звѣрямъ, запертymъ въ неподвижную клѣтку; мы подло, преступно и на вѣки осуждены на одиночество.

Ал. Станкевичъ.

